

Пролог

Сзади раздался собачий лай. Далекий и тихий. Пока тихий. Можно было бы пропустить его, не заметить, если бы не вслушиваться в темноту, не оглядываться то и дело, не дрожать в напрасной надежде: нет-нет, мне послышалось, почудилось, показалось... Если бы. Если бы отец не спустил собак по мою душу.

Я всхлипнула и снова побежала.

Ветки цеплялись за одежду, били по плечам, царапали руки. Если бы не громкий шум воды впереди, я бы давно потеряла направление. Волосы растрепались, то и дело падали на глаза. Приходилось останавливаться, заправлять их за ухо, тяжело дыша и прислушиваясь: близко? Собаки близко? Или... еще нет?

Пустые надежды.

Лай уже настолько приблизился, что я узнала высокий, захлебывающийся голос своей любимой гончей Эль. Она не просто лаяла, она буквально пела от восторга, ведя остальных собак по следу. Сегодня утром я чесала ее за ухом и обнимала за шелковистую шею. Сегодня вечером она догонит меня и...

Я тряхнула головой и со свистом втянула воздух. Ночной влажный воздух, упоительно сладкий, пах цветами и листвой. Хотелось просто остановиться, остаться здесь и пить его, пить, пока сердце не перестанет колотиться как сумасшедшее.

Говорят, что собаки кусают лишь тех, кто убегает. Если повернуться к ним лицом и сказать: «Это же я... Я...» — тогда они не тронут. Ведь не тронут же, правда?

Просто не дадут уйти дальше.

Дождутся вместе со мной отца и братьев. И тогда...

Я поудобнее перехватила подол слишком длинного, совсем не рассчитанного на бег по лесу платья и прибавила шаг. Я успею. Точно успею. Река совсем близко, а за рекой собаки меня потеряют. Главное, добежать до воды. Дальше я не загадывала.

Но меня все же догнали.

Не собаки.

Я уже выбежала на каменистый берег и пробиралась к реке между большими валунами. Медленно, гораздо медленнее, чем хотелось бы... Но было бы ужасно глупо подвернуть ногу всего за несколько метров до воды именно сейчас, когда надежда на успешный побег согрела мое сердце и заставила потерять бдительность.

Сильный удар в спину, и я полетела лицом вперед, коленями на острые камни... Я вскрикнула и зажмурилась, ожидая вспышки боли, но меня подхватили у самой земли и не дали упасть.

— Ир... — выдохнула я. Мне не надо было оглядываться и всматриваться в лицо преследователя, чтобы понять, кто именно меня догнал. Иррис, младший из братьев. Только он мог оказаться быстрее, чем собаки.

Через мгновение он развернул меня лицом к себе, тряхнул за плечи. Вокруг его круглого лица с рыжими бакенбардами и короткой бородкой таяли искры, следы трансформации. Меня всегда поражало, как быстро он ухитряется менять звериный облик на человеческий.

— Дурочка! — Он снова тряхнул меня. — Чем ты думала?

— Я...

— Скажешь остальным, что мы с тобой затеяли прятки. Что ты несерьезно. Что это глупая шутка.

— Но...

— Хочешь, чтобы тебя заперли? Поставили охрану у дверей спальни? — Он вздохнул и коснулся моей щеки. — Успокойся, Грета. Подумай, чем тебе может аукнуться эта глупость. Отец никогда не позволит, чтобы репутация семьи пострадала. А ты сейчас поставила ее на кон...

Лай раздался совсем близко.

Иррис тряхнул головой, осторожно поставил меня на землю, удостоверившись, что я не собираюсь падать, и отступил на пару шагов.

— Поправь волосы. Перестань трястись. Делай, как я сказал. Буду тебя выгораживать.

Любимый младший братик. Самый лучший партнер для игр, самый верный друг... Наверно, он лучше остальных. Только вот сейчас Иррис не понимал, что делает мне еще больнее. Пытаясь спасти от отцовского гнева, продумывал шаги и командовал, ни на секунду не задумываясь о том, чего хочу я. Не допускал мысли, что я могу не послушаться. Что я могу иметь собственное мнение.

Я для него была куклой.

Как и для остальных.

Я сделала крошечный шаг назад. Еще один. Не знаю, на что я надеялась. Бежать? Он догонит меня в мгновение ока.

Тут Иррис вздрогнул и прищурился, поднимая руку к лицу.

За спиной у меня засиял яркий свет, превращая и брата, и камни, и стену леса, и выскочивших из кустов гончих в золотые статуи. В затылке и ладонях закололо. Портал! Это портал!

Я тряхнула головой. Безумие. Каков шанс, что это не ловушка? Каков шанс, что мне просто вот так могло повезти?

Броситься в портал, который открыл неизвестно кто и неизвестно куда... Что может быть глупее?

— Эй! — закричал Иррис и потянулся ко мне.

А из леса, следом за собаками, выбежали двое. Отец. И... Я сжала зубы и всхлипнула.

Мой будущий муж.

Ну уж нет. Лучше неизвестность, чем это.

Я даже не стала оборачиваться. Просто сделала шаг назад, и золотой вихрь закрутил меня, унося с берега реки прочь.

Глава 1

ЛУЧШИЙ В МИРЕ ДЯДЮШКА

Я не сразу решилась открыть глаза. Просто стояла и слушала, как над головой нежно поет какая-то птичка. Ее трель была такой звонкой и веселой, что заставляла невольно улыбаться и хотя бы на мгновение забыть обо всех несчастьях и горестях.

Потом я все же открыла глаза и... Куда это меня занесло? В какие земли? Осознание произошедшего еще только начинало подкрадываться, но я уже почувствовала, как холодеют кончики пальцев. От страха. Оказаться далеко от дома, возможно в чужой стране, без вещей и почти совсем без денег. Хорошо, что у меня в комнате была копилка. Хорошо, что перед побегом мне хватило ума ее разбить. Плохо, что монет там было совсем немного...

А что, если это вовсе не наше королевство? Кто знает, имеют ли здесь хождение флоринты?

Что, если по здешним законам женщин не обслуживают в банках? Мало ли какие тут традиции соблюдают.

Что, если...

Дальше я просто запретила себе думать.

Быстро огляделась по сторонам. Это хотя бы немного успокаивало. Потому что я оказалась не в глухой лесной чаще, не в непролазных джунглях, не среди скал, не в темной пещере. Это уже плюс. Отличный повод для радости. Справа и слева тянулись ровные ряды деревьев. Парк. Или большой сад. Не было видно ни людей, ни домов.

К первой птичке присоединилась вторая. Я даже сумела разглядеть их среди ветвей. Малиновые свистульки... Я прикрыла глаза, вспоминая, что там было в учебнике зоологии, и облегченно выдохнула. Вот ведь ирония судьбы. Сначала ты считаешь учебу досадной потерей времени, ведь можно было бы пойти играть с братьями, а не просиживать часы в библиотеке за книгами! А потом знания, словно карта из рукава фокусника, в нужный момент выскакивают из памяти, и ты готова расцеловать старого учителя, который так интересно рассказывал про животных и птиц...

Малиновые свистульки почти не встречаются за пределами нашего королевства, а значит, по крайней мере, со страной мне повезло. И с ее географическим положением, кстати, тоже. Вот хороша бы я была, оказавшись в летнем платье в каком-нибудь сутробе высоко в горах!

Я потеряла виски. Молодец, Грета. Желание убежать совсем затмило тебе разум, раз ты не просчитала все заранее.

С другой стороны, у меня что, было время на подсчет рисков? «Подождите-ка, собаки, не бросайтесь на меня! Подожди-ка, братец, и отец — ты тоже постой. И нежеланный жених, иди прочь! Мне надо подумать

и взвесить все «за» и «против», стоит ли бросаться в неизвестно кем открытый портал и лететь незнамо куда...»

Тут я нервно захихикала. Забавно было бы посмотреть на их лица, если бы я так сказала. Изрядно бы они удивились, точно-точно. Ведь это так странно! Будто манекен в магазине одежды заговорил или фарфоровая статуэтка на каминной полке решила высказать собственное мнение.

Выбрать на завтрак горячие булочки или яичницу — это мне позволяли. Или решить, какого цвета платье заказывать у портного. Остальное — «Грета, молчи, отец лучше знает». Раньше...

Я потрянула головой и пошла по утоптанной тропинке между деревьями. Все это осталось в прошлом. Теперь я сама буду решать, что делать со своей судьбой.

Над тропой шумела молодая, нежно-зеленая листва, под ногами по земле скакали солнечные зайчики. В воздухе пахло весной и свежестью. Я невольно улыбнулась... А через мгновение замерла, раскрыв рот от удивления. Деревья впереди расступились, открывая проход к большому фонтану с фигурами зверей и рыб, символизирующих созвездия. Струи воды звенели, и над головами у мраморных лиса, орла, опоссума и гуся дрожало радужное марево.

Я осторожно подошла, коснулась каменного бортика и заглянула в воду. Интересно, что я хотела там увидеть? Ответ на вопрос «Могут ли в мире существовать два абсолютно одинаковых фонтана?»

Скорее всего, нет.

А значит, у меня не получилось убежать. Точнее, далеко убежать.

Если пройти дальше по тропинке, то скоро начнется аллея, вымощенная разноцветным сланцем. И приведет она к боковому крылу нашего летнего поместья.

* * *

Усилием воли я остановила первый порыв сорваться и нестись прочь, как испуганный заяц.

Вцепилась в бортик бассейна так, что пальцы побелели. Потом вытерла предательские слезинки, которые уже ползли по щекам. Медленно заправила прядь волос за ухо, вдохнула, выдохнула... Здесь, у фонтана, всегда пахло сыростью и мхом, словно в пещере. Этот запах мигом вернул меня в детство, когда я с упоением исследовала все уголки парка, находила любимые места, обустроивала тайные убежища и знала все дорожки, тропинки и уголки как свои пять пальцев.

А также все способы проникнуть в дом, если не хочешь показываться на главном крыльце. Низкие подоконники, открытые подвальные окна, увитые плющом опоры балконов... Когда-то я знала пятнадцать тайных путей в свою спальню. Не всеми я сумею сейчас воспользоваться, но достаточно лишь одного, чтобы улучшить положение.

В гардеробе должны храниться дорожные платья, в кабинете матушки — шкатулки с драгоценностями, которыми она никогда не пользуется. Всего-то и нужно: набраться смелости, пробраться в имение, толком собраться в дорогу... и убираться прочь отсюда. Судьба

подкинула мне возможность взять с собой чуть больше вещей, чем один маленький мешочек с монетами. Глупо было бы не воспользоваться таким шикарным подарком.

Только бы на глаза никому не попасться!

Я прижала пальцы к висками и опустила веки, пытаюсь вспомнить, сколько садовников ухаживают за парком и на какие аллеи лучше не соваться. Так, поливают клумбы обычно с утра, днем на аллеях почти никого нет, а вот вечером в парке появится охрана... Стоп. Я запрокинула голову и, приложив ладонь козырьком к глазам, посмотрела вверх, сквозь кружевную листву. Она будто плавилась в ярком полуденном мареве: солнце стояло прямо в зените. Но как это возможно? Ведь я шагнула в портал уже после того, как отгорела вечерняя заря...

Эта мысль сразу не пришла мне в голову, потому что сначала я пыталась понять, где оказалась. А вот теперь пришло время для вопроса «когда».

Объяснение напрашивалось только одно. Я провела в портале две трети суток, хотя они показались мне мгновениями. Что же. Пришлось заплатить кусочком бытия за этот переход.

Я нервно хихикнула. Знакомые девушки, которые родились в простых семьях, без магической линии, болтали иногда, что порталы крадут жизнь у тех, кто ими пользуется. Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания об этих словах, которые сейчас были особенно некстати. В конце концов, точно так же говорили о паровозах, когда они только входили в обиход... Или о дирижаблях. Мол, каждого, кто часто ездит по желез-

ной дороге, будет потом всю жизнь преследовать стук в ушах. А тем, кто осмеливается летать, на твердой земле будет уготовано страдание от головокружения. «Темным людям всегда свойственно хулить прогресс», — всплыли в голове слова отца. Они прозвучали так явственно и близко, что я испуганно обернулась.

Нет. Он не мог меня так быстро догнать. Нет.

Перемещение в портале отследить невозможно.

Даже с помощью лучших гончих в столице.

Будем считать, что мне еще раз повезло. Середина дня — лучшее время для проникновения в дом. Слуги в это время сонные и ленивые, как мухи. Если я буду осторожна и не совершу ошибки, никто меня не заметит и не поймают.

Я быстро обошла фонтан и зашагала дальше по аллее, держась поближе к деревьям. Если что, успею спрятаться за стволами или среди кустов. Благо эта часть парка была самой неухоженной и походила больше на лес.

Впереди показалась большая беседка. Стены ее покрывал цветущий выюнок: белые колокольчики цветов пахли так сладко, что в детстве я думала, будто взрослые прячут здесь самые вкусные пирожные, и раз за разом исследовала ее в поисках тайника. Пирожные так и не нашлись, а беседка со временем стала моим любимым прибежищем. Здесь я играла, читала, мечтала, когда хотелось побыть одной...

Я улыбнулась, вспомнив, как мне бывало тут легко и весело. И тут же испуганно замерла.

Из беседки слышались голоса.

* * *

Первый голос был мне очень хорошо знаком.

Человек с этим голосом когда-то читал мне на ночь сказки, учил завязывать шнурки и плести пояски из длинных кожаных полосок, ходить по узким перилам, не теряя равновесия, и находить самые интересные книги в библиотеке. Дядюшка Винс. Он гостил у нас несколько раз в год, и каждый раз я начинала ждать его следующего приезда, когда он еще только прощался.

Он привозил мне кукол, которые пели, танцевали и кланялись.

Угощал заморскими фруктами и засахаренными орехами.

Дарил свистульки, искусно вырезанные из дерева, и стеклянные гребни.

А когда мне исполнилось четырнадцать, привез первое бальное платье и туфельки. Помню, они тогда повздорили с матерью: та утверждала, что уже заказала наряд у лучшего портного в столице, что она лучше знает, как следует одевать дебютантку... Но дядюшка только громко рассмеялся. Его смех будто рассыпался дробными «ха» по всему дому, отскакивая от зеркал и люстр.

Конечно, в итоге я танцевала в подарке дядюшки.

Зачарованный лиф платья обвивали розовые стебли без шипов с нежными бутонами. Они дарили прохладу и тонкий волшебный аромат, чуть слышно позванивали при каждом движении и превращали меня из смущенной девочки в чудесную фею. А хрустальные

туфельки словно знали, какой танец играют музыканты, и подстраивались под каждый шаг.

— Сколько они стояли? — спросил отец на следующее утро, когда я сидела за столом, позевывая, а пятки будто сами по себе выстукивали под столом ритмы вчерашних мелодий.

— Не все ли равно, — пожал плечами дядя. — Я в твой карман не заглядываю.

Отец скривился, словно откусил кусок незрелого яблока. Дела в тот год шли не слишком хорошо, он ходил смурной и то и дело задерживался в порту до ночи. Не доверял управляющим, тратил силы и нервы, а потом срывался на нас. Точнее, на мне. Братья же научились — кто чуют, кто предсказывать — его плохое настроение и всегда норовили улизнуть из дома...

— Слушай и запоминай! — веско проговорил дядюшка, и я вынырнула из прошлого. Шагнула вплотную к беседке, осторожно опустилась на землю и прижалась спиной к деревянной колонне. Даже если дядя решит выглянуть в окно, вряд ли он что-то разберет — уж слишком хорошо тут выюнок разросся. А даже если увидит меня...

Я закусила губу. Может, стоит ему открыться? Он всегда был на моей стороне. Всегда-всегда. И...

Но тут прозвучал второй голос, и я застыла. Забыла, как дышать. В мире ничего не осталось, кроме этого голоса. Кроме подслушанного разговора.

— Подожди! Можно, я буду рисовать карту?

— Зачем тебе карта, девочка моя?

— Ты же сам сказал, что расскажешь дорогу. Значит, ее можно нарисовать.

— Но у нас нет бума...

— Есть! Я утащила из дома несколько листов. И книгу, чтоб на нее положить... Только рассказывай медленно, хорошо?

— Хорошо, Грета.

Это невозможно. Я зажмурилась и помотала головой. Абсолютно невозможно.

Я вспомнила этот разговор.

Дядюшка тогда приехал в летнее поместье, прямоком из путешествия на острова, привез матери веер, украшенный жемчугом, отцу — какие-то ценные бумаги, братьям — кинжалы с разноцветными костяными рукоятками, а мне... Мне он вручил янтарное яблоко и пообещал рассказать о каком-то тайном месте, о котором будем знать только я и он. Больше никто.

После обеда мы пошли в парк.

Я привела его в беседку и...

Невозможно. Нет. Я схожу с ума.

Мне было четыре года. Тогда.

Может, я умерла там, в портале? Может, теперь я вспоминаю кусочки жизни, и это последние вспышки сознания перед... Перед чем?

Я прижала кулаки к вискам и закусила губу.

В ветвях деревьев пели птицы. Аромат вьюнка кружил голову. Солнечный зайчик устроился у меня на коленях. Прикушенная губа болела. Мир вокруг был осязательно-настоящим и совсем не походил на видение.

— Когда-нибудь тебе понадобится убежище. Место, где тебя никто не найдет и не обидит, — снова зазвучал дядюшкин голос. — У меня есть дом на севере,

в Вердене. Я почти не бываю в нем. Но там живут слуги. И я предупредил их, что когда-нибудь ты приедешь. Со мной или одна. Если захочешь, конечно.

* * *

Дальше я слушала, будто в полусне. Дядюшка рассказывал, как доехать до Вердена. Оказалось, часть фраз я запомнила чуть ли не дословно — сейчас они услужливо всплывали в памяти за мгновение до того, как Винс начинал предложение. Прямой поезд из столицы... Ехать три дня... Сойти в маленьком городке Китре, оттуда взять экипаж до побережья... Верден длинной лентой тянется вдоль моря... Нужно добраться до самой южной оконечности...

Яблочная улица, четыре.

Ворота с грифонами.

— С грифонами, — прошептала я, как будто и вправду решила ехать в Верден.

Мысли метались и кружились в голове, как листья, танцующие над землей под порывами злого осеннего ветра. Это было невозможно, невообразимо, невероятно... но все же случилось. Я все больше убеждалась в реальности происходящего. Портал перенес меня не только в пространстве — с берега реки в дальнюю часть парка, но и во времени — почти на пятнадцать лет назад.

Значит, я в прошлом.

Значит... обратной дороги нет.

От этой мысли одновременно хотелось кричать, как зверек, попавший в ловушку, и петь, как веселая птичка поутру. Одна часть меня паниковала. Другая ликовала.

Я убежала из дома. Препней жизни больше не будет, никогда. Беззаботные солнечные дни, балы и приемы, путешествия по воздуху и по морю, зачарованные драгоценности и самые редкие книги.... Обо всем этом можно забыть.

Зато мне удалось! Я убежала от незавидной участи, к которой меня готовили. Никто насильно не выдаст меня замуж. Не будет мной распоряжаться как вещью. Не будет диктовать мне, что и как делать. Можно перестать бояться, что меня поймают. Ведь здесь, то есть сейчас...

Я чуть не рассмеялась вслух. Никто не знает, кто я такая. И не узнает, если увидит. Для родителей я пока что маленькая девочка.

— Ну что, пойдём? — спросил дядюшка у Греты... то есть у меня... и я даже не стала убежать от беседки и прятаться в кустах. Потому что помнила: они... то есть мы, пойдём прямо по дорожке к дому, почти побегим, чтобы не опоздать на обед.

Значит, меня никто не заметит.

Дождавшись, когда шаги стихнут, я несколько минут просто глубоко дышала, пытаясь успокоить сердце, которое колотилось словно испуганная птичка в клетке. И к моменту, когда кровь перестала шуметь в ушах, а первый страх улегся, я уже придумала план. Не без изъянов, но с ним я почувствовала себя гораздо увереннее, чем раньше.

Сначала найти фонтанчик и напиться вдоволь.

Потом забраться в тайник у подножия статуи Крылатого ветра — туда маленькая Грета спрятала карту по дороге к дому, а еще там должны быть дорогие

моему сердцу безделушки, несколько золотых монет и дорожный мешок из плотной кожи. Через некоторое время отец затеет перестановку статуй в парке, и я-маленькая буду плакать, думая, что рабочие унесли ящичек с моими немудреными сокровищами. А что, если...

Я прижала ладонь ко рту. А что, если это не рабочие тогда разорили мой тайник? Что, если там уже ничего не было, потому что... Потому что я-взрослая забрала отсюда вещи.

То есть все предопределено?

И...

Я отогнала прочь эти мысли. Пока я до конца не разобралась, как именно подействовал портал, нет смысла строить теории.

«Слишком ты сложная, Грета!» — любили подколоть подруги.

«Слишком она много умничает!» — исходили ядом завистницы.

Но что правда, то правда. Годы, проведенные над книгами в отцовской библиотеке, научили меня сначала думать, а потом делать. Сначала искать факты, а потом их оценивать. И побег из дома... Пожалуй, это было первое спонтанное решение за несколько лет, с тех пор, как я научилась контролировать эмоции.

Итак, вернемся к плану.

Добраться до воды и утолить жажду.

Тайник.

Пробраться в дом и заглянуть в гардероб матери, пока все обедают. Там должны быть дорожные платя.

Проникнуть на кухню и раздобыть немного еды.

А потом выбраться из имения до наступления темноты.

И уехать в Верден.

Проще простого, не так ли?

* * *

Крылатый ветер глядел на запад, приложив к глазам узкую мраморную ладонь. Я ползала у подножия статуи, дергая то за одну травинку, то за другую, но тайник не открывался. А мне-то казалось, что это один из самых простых пунктов плана!

Но когда я уже совсем отчаялась, помогла случайность. Поднимаясь с колен, я покачнулась и оперлась на камень, а он вдруг вывернулся из-под ладони, что-то скрипнуло внизу, и у мраморного подножия открылась узкая щель. Я осторожно вытащила свеженарисованную карту и пыльный, но очень удобный дорожный рюкзачок — в детстве он казался мне слишком большим, а сейчас — в самый раз. Потом наружу показались бусы из сердолика, мешочек с разноцветной галькой, пять золотых монет из дальних стран — подарки дядюшки — и красивые часы на длинной цепочке. Они тихонько тикали и, судя по положению солнца на небе, даже показывали правильное время. Как минимум на большом циферблате. В центре его располагались еще три маленьких с изогнутыми странными стрелками и непонятными знаками вокруг.

Я покачала их на ладони и засунула в рюкзак вместе с остальными сокровищами, пристроила на место нужный камень, посмотрела, как медленно закрывается

тайник, и поднялась на ноги, отряхивая грязный подол платья. Оставалось самое опасное. Пробраться в имение так, чтобы никто не заметил. Для этого нужно было подойти к дому с торца, там, где розарий почти вплотную примыкал к стене.

Казалось бы, какая глупая идея — взобраться на балкончик второго этажа по розовым стеблям... Ведь они не выдержат вес человека! Но я беззвучно смеялась, нащупывая очень удобные «ступеньки» в железной решетке, по которой вились колючие побеги. Тому, кто не знал о ее существовании, я бы сейчас показалась настоящей волшебницей, идущей почти по воздуху, под весом которой не гнутся самые нежные веточки. А вот тот, кто знал о существовании тонких, но прочных металлических полос, замаскированных среди зелени, сейчас беззастенчиво этим пользовался. В детстве я столько раз проходила этот путь, что теперь он дался мне совсем просто... Дался бы, если бы не опасения быть пойманной.

Когда я уже перебиралась через балконные перила, внизу послышались голоса — кто-то подходил к розарию, был уже совсем близко, — и я задрожала, заспешила, затрепетала, как рыбка на крючке. Успела спрятаться, пригнувшись за каменной балюстрадой... и молча, закусив губу, смотрела, как наливаются алым длинные царапины на ладони. Слишком уж острые у наших роз шипы, не прощают спешки...

— У наших роз... — прошептала я, уже скользнув через балконную дверь в маленький альков и глядя сквозь приоткрытую дверь в коридор. На втором этаже никого не было, да и пока не могло быть. Обеды в на-

шем доме длились всегда долго, чинно, время будто останавливалось, и я чувствовала себя мухой в янтаре. Слуги либо прислуживали господам, либо ели на кухне, перемены блюд следовали одна за другой, столовое серебро блестело так, что глазам больно, от накрахмаленной скатерти пахло свежестью и белизной... В детстве мне казалось, что белый цвет пахнет именно так. Как наши скатерти...

Пусть я уже убежала, приняла решение порвать с этой семьей и этим домом, все равно по привычке говорила «наши». Интересно, когда эта привычка завянет, засохнет, умрет? Или этого никогда не произойдет и я долгие годы буду жалеть о содеянном?

Так размышляя, я осторожно шла по коридору, машинально обходя квадратики паркета, которые скрипели особенно громко. Наверно, я могла бы пройти здесь с завязанными глазами, отсчитать нужную дверь и попасть в нужную комнату. Когда-то дом казался мне огромным, опасным и ужасно интересным, и я не успокоилась, пока не изучила его как свои пять пальцев. Теперь же пришло время изучать мир чуть более большой.

Я скользнула в комнату матери, тихонько притворила за собой дверь и огляделась по сторонам. Широко распахнутые створки гардероба так и манили: входил, отважный путник, искатель приключений, и найди себе достойный наряд для грядущих подвигов!

Или хотя бы такой наряд, на котором не так заметна пыль.

Или в котором хоть немного удобнее будет в дороге.

Я машинально одернула ленты на поясе любимого платья из тяжелого шелка, расшитого крохотными жемчужинками, и решительно шагнула вперед. Время выходных платьев прошло, впереди ждали дорожные приключения и одежда поскромнее.

* * *

Я забралась в самый темный угол гардероба, куда не проникал свет из комнаты, врезалась в высоченную пирамиду из шляпных коробок, поставленных друг на друга, и чуть не обрушила ее на пол. Несколько раз чихнула от пыли и потащила наружу свою добычу: два платья в футлярах, которые лежали на дальней полке и, похоже, еще ни разу не использовались после того, как их доставили от портного. Или не от портного...

Судя по этикеткам на ломкой рисовой бумаге, это были подарки от дядюшки, который во время одной из своих многочисленных поездок заглянул в магазин готового платья, чтобы сделать моей матери сюрприз. Я улыбнулась и начала расстегивать футляры один за другим. Вот удача.

Мать всегда считала, что готовую одежду ей носить не к лицу. Мол, дама из семейства высшего света, с сильной магической линией, может позволить себе подгонять платья по фигуре, а не довольствоваться простыми силуэтами. Должно быть, она поблагодарила дядюшку, а потом спрятала нежеланный подарок в самый дальний угол... Хорошо еще, что не успела отдать бедным родственникам!

И теперь это прекрасное одеяние из плотного серого льна, идеально немаркого цвета, с тонкой серебряной вязью по вороту и рукавам достанется мне. Я чуть в ладоши не захлопала от радости. Второе платье тоже отлично подходило для путешествия: темно-синее, с широкой прямой юбкой и узкими рукавами, украшенное по подолу жаккардовой лентой. Никаких драгоценных камней, которые привлекают лишнее внимание, никакого кружева, которое цепляется и рвется, никаких корсетов и турнюров! Я тряхнула головой. И даже чувство вины ни капельки не будет меня мучить. Просто у этих платьев не было ни единого шанса понравиться матери. Неужели дядя совсем ничего не помнил о ее модных пристрастиях, когда выбирал подарок?..

Где-то вдалеке хлопнула дверь, и я засуетилась, заспешила, подхватила футляры с платьями и побежала обратно: по коридору, в альков, на балкон.... Затаиться, осторожно выглянуть наружу — не идет ли кто? — проворно спуститься по решетке... Получилось, правда, медленнее, чем хотелось бы: шипы роз вцепились в мои рукава и подол платья, как будто не хотели отпустить.

Пришлось им соврать.

Я наклонилась и прошептала:

— Может быть... Если получится... Я еще вернусь.

Хотя точно знала — не вернусь.

Теперь мой путь лежал снова на аллею парка и к беседке. Там можно будет переодеться, уложить вещи и тщательно продумать маршрут. Потом украсть хлеба и сыра на кухне — стыдно признаться, далеко

не в первый раз — и отправляться в большой мир. В низеньком пузатом здании банка рядом с вокзалом я обменяю заморские золотые, затем куплю билет на поезд, и...

Я закусила губу. Наверно, придется все же открыться дядюшке. А вместе мы точно что-нибудь придумаем.

Глава 2

ГОРОД У МОРЯ

За окном проносились цветущие поля в сиреневой и нежно-сливочной дымке, расчерченные рядами кипарисов. Вечернее небо постепенно темнело, и в городках и деревушках на горизонте уже зажигались огоньки. Поезд постукивал колесами на стыках рельс, как будто убаюкивал своих пассажиров, укачивал и шептал: «Устраивайтесь поудобнее, мы едем в ночь».

Я сидела, прислонившись лбом к оконному стеклу и положив руки на крошечный столик. С момента отхода поезда прошло уже несколько часов, но пальцы все еще продолжали дрожать, стоило только оторвать ладонь от опоры, а в горле трепыхался ледяной комок. Я даже не могла найти в себе сил, чтобы поднять глаза на соседей по купе, поддержать вежливый разговор... В конце концов, нам вместе ехать несколько дней, не так ли?..

Сначала все шло по плану. Мне удалось выскользнуть за ворота парка незамеченной и не заблудиться по дороге к вокзалу, благо он был совсем недалеко

и я хорошо помнила маршрут. Самым сложным я полагала общение с банковским клерком, однако обмен золотых монет на флоринты прошел гладко. Стоило упомянуть фамилию дядюшки, сказать, что я его родственница и он рекомендовал мне обратиться именно сюда, если я когда-нибудь буду в столице, мужчина в окошечке кассы расплылся в улыбке. Передал привет «уважаемому господину Виллеру», выписал мне квитанцию и дважды пересчитал банкноты, прежде чем отдать. Я сложила их в рюкзак, запихнув поглубже, под пакет с едой, и вышла на улицу.

Полоса удачи продолжилась, когда в маленькой лавочке у вокзальных дверей я высмотрела очаровательный дорожный набор. Палочки из дерева арак для чистки зубов, два душистых брусочка мыла, маленькое полотенце с вышивкой и расческа из корня можжевельника были упакованы в мешочек из золотистой органзы. А в подарок за покупку я получила еще и крошечный носовой платочек.

К вокзальным кассам я подходила с улыбкой. Планировала взять билет в первый класс на вечерний поезд, чтобы сесть в вагон и сразу устроиться спать. Я не знала, существуют ли купе на одного пассажира, но если да, то, конечно, мне нужно именно такое.

Раньше, когда мы путешествовали всей семьей, отец бронировал сразу половину вагона, и в нашем распоряжении оказывались не только спальные места, но и длинный коридор с окнами, и маленькая ванная комната с толстеньким приземистым водонагревателем, и чайный уголок, куда вышколенный кондуктор по утрам приносил горячие напитки, свежий хлеб,

фрукты и джемы... Я любила сделать бутерброд и прилипнуть носом к стеклу, глядя, как проносятся за окном города, дороги, станции, леса и реки. В этот момент я представляла, как карта королевства разворачивается, обретает материальную форму и превращается в настоящий удивительный мир, который летит нам навстречу и готовится подарить все свои чудеса.

Однако сейчас у меня вряд ли хватит денег на такую роскошь, так что можно обойтись просто первым классом.

Выстояв небольшую очередь, я заглянула в маленькое окошечко, улыбнулась женщине с пачкой билетных бланков и попросила:

— До Вердена... ой, то есть до Китра, у меня там пересадка, пожалуйста. На... — Я запнулась, подбирая слова. Все-таки это был первый раз, когда я самостоятельно покупала билет и отправлялась в путешествие! — На самый вечерний поезд. В первый класс.

Женщина придвинула к себе табличку, напечатанную на желтоватой плотной бумаге, и повела ногтем вниз по строчкам, что-то беззвучно бормоча себе под нос. Потом принялась перебирать какие-то квитанции. Я терпеливо ждала. Потом она встала, со скрипом отодвинув стул, открыла дверь из своей рабочей комнатки в темный коридор и звучно крикнула:

— Мелли! Лиза! У вас на Китр сдавали?

И замерла на пороге, прислушиваясь.

Чей-то ответ прилетел эхом, слов я не разобрала толком.

Женщина вернулась, села за стол и улыбнулась:

— Вам повезло. Есть одно место до Китра на проходящий. Он уже здесь, но успеете спокойно сесть. У него долгая стоянка, локомотив меняют.

— А... — Мысли заметались в голове. Я-то планировала еще пройтись по магазинам, поужинать в ресторане на соседней площади. — Ничего попозже нет?

— Сегодня — нет, — отрезала женщина.

— А ночью или рано утром зав...

— Следующий через двое суток, но на него все билеты распроданы. Можете попытать счастья перед самым отходом состава, вдруг кто-то откажется от поездки. Или могу предложить билеты на конец недели. Там еще несколько есть.

Я вцепилась пальцами в узенькую полку под окошком кассы, чувствуя, как нарастает паника. Ждать двое суток? Это что... снимать номер в гостинице? Столичных гостиниц я совсем не знала, а также не знала, где их искать, сколько стоит комната, что подумают о девушке, которая хочет поселиться одна, каким именем назваться... Нет уж, наверно, лучше на поезд!

— Хо...хорошо. Давайте.

Женщина быстро начала заполнять билетный бланк. Потом протянула его мне:

— Четвертый вагон, место семь, сорок флоринтов.

Я отсчитала несколько банкнот, протянула ей и поняла, что пальцы дрожат. Взяла протянутый билет.

— И... куда мне идти?

— По переходу на второй путь, вон там ступени сразу у выхода на перрон, не заблудитесь!

Я быстро пробежала по железному мостику с витыми перилами, спустилась к поезду, довольно быстро

нашла свой вагон и протянула билет кондуктору, который стоял, позевывая, на узкой лестничке. Он кивнул и пробормотал:

— Вижу, вижу, подойду позже...

И посторонился, пропуская меня внутрь. Коридор был узким и темным, на полу лежала вытертая почти до дыр ковровая дорожка, окна, казалось, не мыли целую вечность. Или две вечности. Но вовсе не это расстроило меня до такой степени, что я чуть не развернулась и не выбежала обратно на перрон...

Это оказался сидячий вагон.

Мне предстояло ехать три дня до Китра в сидячем вагоне.

* * *

Устроившись на своем месте у окна, я коротко поприветствовала соседей. Напротив сидела пожилая пара и молодой человек, наверно, студент, направляющийся домой на каникулы. Рядом — два господина с дорожными саквояжами. То есть мало того что мне предстояло сидеть всю дорогу без возможности улечься и нормально поспать, так это было еще и смешанное купе! Никогда раньше я не попадала в ситуацию, когда рядом одновременно находилось столько незнакомых мужчин. В голове набатом звучал голос матери: «Какой ужас, Грета, какой ужас!» Именно так она сказала бы, заглянув сюда.

Я мысленно рассмеялась. Не было ни одного, ни единого шанса на то, что мать оказалась бы в этом вагоне. Она и первый-то класс не жаловала, предпочитая

дирижабли. Морщила нос и брезгливо отставляла чашку, если принесенный кондуктором чай казался ей недостаточно крепким или горячим. Почти никогда не разговаривала с работниками железной дороги: все должен был устраивать отец или его поверенные. И настрого запрещала нам с братьями изучать состав или бегать по вокзалу. Так что неудивительна моя оплошность. Покупая билет, я просто не могла себе представить, что мест на поезд может не быть или что на такие дальние расстояния ходят самые дешевые для пассажиров сидячие вагоны.

Едва поезд тронулся, в купе заглянул кондуктор. Проверил билет, оторвал уголок квитанции, вернул обратно и замер в дверях, согнувшись вопросительным знаком. Глядя на него, я заволновалась. Может, я еще что-то не знаю? Нарушила правила? Не заплатила пошлину? Или...

Наконец он снова заговорил:

— Вам понадобится одеяло? Подушка? Будете заказывать еду?

— Одеяло... пожалуй, одеяло... Да, принесите, пожалуйста.

Через несколько минут он вернулся со свертком и сообщил, что с меня три флоринта за аренду, и еще пять — в залог. Отсчитывая деньги дрожащими пальцами, я думала, что теперь, по крайней мере, смогу накрыться с головой, отгородиться от соседей и притвориться спящей.

Спящей. Как же.

Чем ближе подступала ночь, тем хуже мне становилось. Я не могла найти удобное положение для ног,

икры затекли, и по ним бегали крошечные ледяные мурашки. Спина болела от неудобной позы. Ужасно хотелось есть, но я никак не могла заставить себя достать снедь и есть хлеб, отламывая куски руками на глазах у незнакомых людей. Так и сидела, крепко прижав к себе рюкзак и пытаясь успокоиться.

Но спокойствие все не возвращалось.

В коридоре стоять было просто невозможно. Из открытых окон дуло, пахло дымом и горячим металлом, из одного конца вагона в другой постоянно ходили подозрительные личности.

В маленькой уборной не было ни зеркала, ни полочек, ни крючков, и ледяной воды в умывальнике — на самом доньшке.

Но главное... Главное, я понимала, что ночь будет бессонной.

Я просто физически не умела спать в неудобных местах. Никогда, сколько я себя помнила. Не умела засыпать сидя, даже после самого долгого и сложного дня, даже в кресле, дома, над скучной книгой! Что уж говорить про скрипящий и стучащий вагон, про купе с незнакомцами — один из пассажиров, кстати, уже заклевал носом и звонко захрапел.

Небо за окном почернело, где-то вдали, над горизонтом, погромыхивала гроза, в купе стало совсем темно — внутрь проникал только желтый длинный луч света из коридора. Я кое-как завернулась в одеяло и считала звезды. Сначала те, что за стеклом, потом, закрыв глаза, вспышки на внутренней стороне век... Снова те, что на небе. И опять закрыть глаза. Повторить пять раз. Десять. Двадцать...

Когда небо за окном посинело, а над горизонтом появилась тонкая оранжевая полоска, поезд заскрипел и затормозил у ярко освещенного полустанка.

— Стоянка полчаса-а-а-а! — прокатился крик вдоль вагонов, и я, дрожа и оступаясь то и дело, выбралась из вагона на воздух, хватала его широко раскрытым ртом, как рыба, и сглатывала слезы. Спать хотелось просто до боли. Голова кружилась, перрон плыл под ногами. Я покачнулась, чуть не упала и, тяжело вздохнув, полезла обратно в душное купе. Хороша же я буду, если рухну в обморок неизвестно где. Во времени я уже потерялась, не хватало еще в пространстве заблудиться!

* * *

В последнюю ночь перед Китром мне на мгновение показалось, что все это — и возвращение в прошлое, и сад, залитый солнцем, и алые розы с острыми шипами, и бесконечная дорога в покачивающемся на стыках рельс вагоне — все это лишь наваждение. Подумалось, что на самом деле я упала там, на берегу реки, когда меня толкнули в спину, и потеряла сознание. Еще чуть-чуть, еще немножечко, меня поднимут сильные руки и отнесут в дом. И этот бред закончится. Я даже слышала лай собак. Очень близко. А какие в поезде собаки?..

Я ущипнула себя за запястье и принялась из последних сил тарашиться в темноту за окном. Был самый черный час перед рассветом, облака затянули звездное небо, и только время от времени где-то вдали мелькали огоньки. Из-за недосыпа мне казалось,

что кто-то все время глядит мне в спину. Кто-то очень внимательный. Настороженный. И... очень голодный. При этой мысли шея холодела и начинало ломить затылок, словно я только что глотнула ледяной воды из родника.

Я зависла в каком-то дурном безвременье между сном и явью. Сознание отказывалось работать, а заснуть все не получалось. Поэтому в воображении рождались картины прошлого, необычайно яркие, сюрреалистические пейзажи и монстры. В конце концов, я ведь разумная девушка, верно? Кто может смотреть мне в спину, если я сижу, прислонившись этой самой спиной к стене вагона? Никто. Значит, мне кажется. Это просто игры разума, не более того. Чтобы отвлечься от глупостей, я раз за разом повторяла, словно заклинание: «Взять экипаж до побережья, южный край Вердена, Яблочная улица, дом с грифонами». Пожалуй, именно оно помогало мне держаться и не плакать от усталости.

В Китре поезд стоял всего пять минут.

Кондуктор помог мне сойти со ступенек на низкий перрон. Я сделала несколько шагов вдоль вагона и застыла, глядя, как вдали восходит солнце над серебряной полоской моря. Ветер гладил меня по волосам и шептал: «Смотри, ты совсем близко!»

Несмотря на то что вокзал был очень маленьким и внутри не было ни одной живой души, на площади перед ним стояло с десятков экипажей. Я застыла, наблюдая, как лошади что-то деловито жуют, как господа с дорожными саквояжами и чемоданами подходят один за другим к возничим, торгуются, а потом уезжа-

ют прочь... Скрипели колеса, звенели бубенцы на поводьях, лоснились блестящие лошадиные шкуры. Это был какой-то совсем другой мир, не похожий на тесную духоту купе, другие люди, другое...

Тут я вздрогнула, мысленно выругала себя и зашагала через площадь. Если постою еще немного и поглазею, рискую остаться тут надолго. Все экипажи разбирают.

— Верден? — спросили меня, не успела я и рта открыть. — Двадцать флоринтов и лошадкам на еду — сколько не жалко.

Подхватили мой рюкзак без спроса, закинули в маленький экипаж, я молча кивнула и полезла следом. У меня не было сил ни спорить, ни торговаться. Пусть хоть на Пустой берег везут, лишь бы там было где искупаться и выспаться.

* * *

Большая часть дороги шла вдоль берега, и я вдогонку нагляделась на белую пену и волны бутылочного цвета, на громадных серьезных чаек, которые вышагивали по галечному пляжу, на покосившиеся деревянные пирсы и треугольнички парусов вдали. По воде скакали солнечные зайчики, птицы пронзительно кричали, ветер забрасывал горсти соленых брызг в окно экипажа, а я улыбалась и ни о чем не думала. Просто не было сил.

И хорошо, что их не было! А то места бы себе не находила от волнения. Что-то скажет дядюшка, когда я возникну на пороге нежданно-негаданно? подгото-

вить приветственную речь не получилось — что ж, значит, будет экспромт.

С другой стороны экипажа проплывали улицы и площади Вердена. Уличные кафе с разноцветными навесами над маленькими круглыми столами, голубые и бежевые дома, украшенные ракушками, пузатые балкончики с цветочными горшками, крохотные магазинчики и... тишина. Если море шумело и шептало, то город еще не проснулся и смотрел на меня вполглаза сквозь опущенные ставни.

К тому моменту, когда мы свернули на Яблочную улицу, дома отступили от мостовой, спрятались за низенькими оградами, деревьями и клумбами. Чем дальше от центральной площади, тем больше было вокруг зелени. Тот самый дом с грифонами, к которому я стремилась, прятался так глубоко в саду, что с дороги была видна только крыша. И грифон на ней.

Я выбралась из экипажа, медленно отсчитала деньги и несколько мгновений стояла, глядя на маленькую калитку с решеткой из переплетающихся железных ветвей. Я протянула руку и погладила тоненькие листочки. В них чувствовалась одновременно и хрупкая красота, и сила. Пожалуй, если бы какой-нибудь вор соблазнился дядюшкиным садом и купился на обманчиво изящное плетение ограды, его ждал неприятный сюрприз. Здесь явно не только кузнец потрудился...

Тут дверь скрипнула под моей рукой и отворилась.

Похоже, признала за свою. Та самая магия, которую я даже не почувствовала — только предположила! — уже сработала. Дядюшка и вправду позаботился о том, чтобы я могла явиться сюда в любое время дня и ночи.

Я подхватила с земли рюкзак и медленно пошла по дорожке к дому. Воздух пах зеленью и морем, он был таким чистым и прозрачным, что у меня кружилась голова и хотелось летать. Летать вместо того, чтобы с усилием делать шаг за шагом, держа себя в руках из последних сил, чтобы не разрыдаться от усталости и не усесться прямо тут, на камни, не дойдя до цели совсем немного.

Когда я подошла к крыльцу, на пороге уже стояла служанка. Худая, длинноносая, в сером форменном платье и до блеска начищенных туфлях.

— До... доброе утро, — проговорила я.

— Доброе утро, госпожа, — кивнула она. — Чем могу быть полезна?

— Я... к мистеру Винсу. Он... мой дядя. Скажите, он сейчас дома? Или в путешествии?

Я помнила, что тогда, после разговора со мной-маленькой, дядя, кажется, уехал из нашего имения довольно быстро. Но направился ли он сюда? Или в столичную квартиру? Или...

— Вы Грета? — Служанка подняла брови, и по ее бесстрастному лицу тенью проскользнуло странное выражение. Как будто она одновременно была рада видеть меня и... чего-то боялась.

— Д..да. Дядя сказал мне, что он предупредил слуг, и...

— Он предупредил. — Служанка коротко поклонилась. — Давайте, я провожу вас в комнату. Кажется, вы устали с дороги.

— Спасибо!

— Я Мод. — Служанка посторонилась, пропуская меня в дом, быстро развернулась и куда-то повела,

шурша юбкой по полу. — Простите, спальня на втором этаже не готова, пока устрою вас в гостевой. Согреть воду для ванной?

— Да-да, спасибо! — Я даже по сторонам толком не глядела, просто шагала следом за Мод и предвкушала, как смою с себя дорожную пыль и прилягу. Буквально на минуточку. Просто прилягу на кровать!

— Сюда. — Она привела меня в маленькую светлую комнатку со скошенными окнами. Лучи солнца лились на пол сквозь желто-оранжевые витражи из толстого стекла, теплые, словно мед или жидкий янтарь. Узкая кровать была заправлена белым шелковым покрывалом.

— Когда вода будет готова, позову вас. — Мод еще раз поклонилась и прошелестела прочь из комнаты.

Я опустила рюкзак на низенький комод и присела на кровать. Потом прилегла и закрыла глаза, буквально на мгновение. А когда открыла, за окном было уже темно, и из сада доносилось пение ночных цикад.

* * *

Не знаю, сколько я пролежала в темноте, пытаюсь осознать себя во времени и пространстве. А потом из-за облаков показалась луна, и комната осветилась мягким желтоватым светом. Ох.

Я села на кровати, оправляя платье. Все то же дорожное платье, которое я не успела снять.

Интересно, дождалась ли меня теплая вода в ванной? Дурацкий вопрос, конечно...

Я хмыкнула и встала. Сколько сейчас времени? И что подумают слуги, если увидят, как я брожу по дому?..

Ответ на этот вопрос неожиданно быстро нашелся, стоило мне зажечь свечу в маленькой лампе из матового стекла — она была на прикроватном столике — и выйти в коридор. Дверь комнаты громко закрипела, и тут же послышался голос служанки:

— Иду, госпожа!

Перестук шагов за поворотом, и она выросла передо мной с такой же лампой в руках.

— Давайте, я провожу вас в ванную комнату, только воду придется немного подождать.

— Сколько я... Сколько сейчас времени?

— За полночь, — пробормотала она и провела меня по коридору в просторную старомодную ванную с каменным полом. Здесь остро пахло эфирным маслом и деревом.

— В умывальнике еще теплая, — махнула рукой Мод, сама направилась в угол и принялась раздувать угли в небольшой жаровне. — Сейчас для купания подготавливаю.

— Я... — Смыв с рук и лица дорожную пыль, я почувствовала себя гораздо бодрее. Наверно, только сейчас я до конца пришла в себя, а до этого момента путешествие сюда по дому казалось продолжением сна. — Мне надо переодеться. Схожу за платьем...

— Я подготовила для вас халат, если желаете. И мягкие туфли.

И действительно, возле стены на вешалке нашелся шелковый халат с вышивкой из диковинных птиц

и цветов. Наверно, дядя его привез из путешествия... Так. Я потеряла виски, пытаюсь собрать мысли воедино. Думать между тем абсолютно не хотелось. Хотелось забраться в теплую ванну и расслабиться.

Но у меня были вопросы, ответы на которые стоило получить как можно быстрее.

— Мод, я, кажется, уже спрашивала... Дядюшка сейчас в городе? Или в отъезде?

Служанка неловко стукнула ведром о край ванны, оглянувшись на меня через плечо.

— Его нет.

— А когда он вернется?

Мод пожала плечами.

— Не знаю, госпожа. Он не оставил записки на этот счет. Только распоряжения про вас.

— А что в тех распоряжениях?

Служанка закончила наполнять ванну, вытерла пот со лба и убрала за ухо выбившуюся прядь волос.

— Ваше имя. Ваша степень родства. Вас надо принять в любое время дня и ночи. Еще оставил средства на продукты и жалованье слугам... сначала мы их получали у поверенного, теперь в банке, раз в два месяца. Вам нужны расписки?

— Мы? В доме есть еще слуги?

— Мой отец, Карл, он садовник. Еще Берта, она приходит помогать с уборкой. Завтра мы подготовим для вас покои на втором этаже. Там очень пыльно, хоть комнаты и стояли закрытыми, нужно перестирать шторы и покрывала, и ковры почистить, и...

Что-то было не так. Но я никак не могла понять, что именно.

Что-то в словах Мод показалось мне странным.

Ладно.

— Спасибо, Мод, дальше я сама.

— Я буду рядом, зовите, если что-то понадобится.

И когда она была уже на пороге, я поняла, что меня беспокоило.

— Подожди!

Она обернулась:

— Да, госпожа?

— Когда именно дядя был здесь в последний раз?

Мне нужно знать точно.

Мод замялась, опустила глаза:

— Простите, не могу сказать. Если хотите, узнаю у отца.

— Ты не помнишь?

— Простите, госпожа, нет. Меня тогда еще на свете не было.

* * *

Я лежала в ванне. Теплая вода ласкала измученное долгой дорогой тело, мыло пахло розой и маслом паучи, мягкая пена обнимала за плечи... Несколько минут назад я думала, что с упоением закрою глаза и буду наслаждаться моментом. Теперь же я вцепилась в край ванны так, что пальцы побелели: тело никак не желало расслабляться, а в голове было много, слишком много вопросов.

Мой дядюшка... кто он такой? Если служанка права и не обманывает меня специально, то тут возможно лишь одно объяснение. Дядя Винс — Мастер времени,

один из великих магов королевства, которые умеют ходить по тропе из прошлого в будущее и открывать порталы в любой момент бытия. Но почему я тогда ничего об этом не знала? Почему это ни разу не всплыло в разговорах между взрослыми? Почему он сам не сказал мне? Думал, что я слишком юна и не пойму? Но главное... как он мог знать, что у него будет племянница Грета за много лет до моего рождения? Выяснил это во время своих путешествий по временам и странам?

Хорошо. Если решить, что это правда, то что мне делать сейчас? Если дядюшка уже много лет не появлялся в Вердене, то каков шанс, что он окажется здесь в ближайший год... два... пять? Наверно, мне стоит обустроиться здесь на несколько месяцев, перевести дух, научиться жить самостоятельно — как минимум покупать правильные билеты на поезд! — и снова ехать в столицу. Там его явно будет проще встретить...

Если, конечно, я все еще хочу с ним встречаться.

А если все гораздо проще? Если Мод врёт? Хочет ввести меня в заблуждение... зачем? Что может быть нужно от меня незнакомым людям из Вердена, где я никогда раньше не была? Они возьмут меня в заложницы и будут пытаться выменять у дядюшки на что-то ценное? Такое же ценное, как человеческая жизнь? Или просто хотят обокрасть?

В таком случае мне надо бежать в комнату, собирать вещи и выбираться из дома как можно быстрее. Но куда мне идти среди ночи? Или дожидаться утра... Но и утром... что делать? Верден — курортный город, жилье здесь дорогое. На сколько дней хватит моих денег? Тогда, наверно, надо уезжать...

При мысли о том, что придется снова куда-то трястись на поезде, икры свело судорогой, а во рту стало кисло от страха. Нет-нет-нет. Не хочу. Больше не хочу.

Я стала медленно вдыхать и выдыхать, глядя в потолок, чтобы успокоиться. Там красовалось большое мозаичное панно. Зеленые волны накатывали на Пустой берег. Я узнала его, это место из детских страшных сказок, по каменным деревьям и острым, словно ножи, скалам. На краю берега стояла девушка — маленькая, хрупкая, ужасно незащитная перед лицом стихии. Она протягивала морю что-то сияющее, держа его в сложенных ладонях.

Интересно, что это у нее?

Я медленно провела мокрыми ладонями по лицу, чувствуя, как напряжение наконец отступает. В конце концов, я приехала сюда по собственной воле. Никто меня не тянул на цепи. И это точно лучше, чем то будущее, которое подготовил для меня отец. Подготовил за спиной, не спросив моего мнения. Не поинтересовавшись, что я хочу и как вижу собственную судьбу. Теперь я хотя бы иду вперед сама. И даже если совершу ошибочный шаг... Это будет МОЙ шаг.

Я выбралась из ванны, вытерлась большим пушистым полотенцем, завернулась в шелковый халат и посмотрела на себя в зеркало. Усмехнулась. Несмотря на то что я проспала много часов, лицо все равно было усталым, скулы заострились, а в глазах прятался страх перед неизвестностью.

Но ничего.

Я найду способ его прогнать.

— Мод! — крикнула я, выходя из ванной. — Разбуди меня не позже девяти утра, если сама не проснусь раньше. Приготовь на завтрак гренки и цветочный чай.

— Да, госпожа...

— И я обязательно хочу познакомиться с твоим отцом, как можно раньше. Хочу... спросить кое-что.

— Конечно, — кивнула Мод, и мне показалось, что я снова поймала в ее глазах странное выражение. Как будто разговоры о дядюшке пугали ее. — Он передаст вам все документы, о которых я не успела сказать.

* * *

Садовник Карл оказался кряжистым стариком с большими ладонями и насупленными лохматыми бровями. Смотрел он на меня так подозрительно, будто на лбу у меня было крупными буквами написано «самозванка».

— Значит, хм-м, из столиц к нам напрямую приехали? — спросил он третий раз подряд. — Поездом?

— Им самым, — коротко ответила я, сдерживая злость. Чай уже остыл, и мне не терпелось получить те самые документы, о которых упомянула Мод. Возможно, дядюшка оставил мне письмо с пояснениями?

— Хм... — Карл опустил глаза и принялся тереть край скатерти.

— В чем дело? — Я не выдержала. Резко поставила чашку на стол, так что чай плеснул через край. — Слуги их потеряли? Или присвоили себе его деньги? Или...

— Да я сроду чужого не брал! — Садовник резко вскинул голову и зло посмотрел на меня. — И вам не советую.

— Вот как? — Я прищурилась. — Считаешь меня охотницей до дядюшкиного добра? Думаю, он будет в восторге, когда я об этом расскажу!

— Вот-вот... — пробормотал Карл и как-то сразу сдулся, даже будто ростом чуть ниже стал. — Мод мне как сказала, что вы... Я и это... подумал...

— Что подумал?

— Вы так говорите про господина Виллера, будто он еще жив. Хотя...

Я нервно рассмеялась.

— А вы так говорите о своем господине, как будто не знаете, что он Мастер времени и волен существовать не в одном поколении.

Тут я ударила наугад. Просто выбрала тот вариант, в который хотелось верить. Однако Карл не опроверг и не подтвердил эти слова.

— Люди к нему ходили важные, это да. Странные посетители, днем и ночью... Тридцать лет назад он останавливался здесь подолгу, каждое лето. Городок тогда потише был, столичные штучки... — Тут он поднял на меня глаза и быстро поправился: — Гости столичные почти не наезжали. А что у нас делать-то? Море и море...

— Так что с бумагами? — прервала я этот поток бесполезных воспоминаний.

Карл вздохнул.

— Господин Виллер попросил меня задать вам один вопрос. Чтобы удостовериться, что это действительно вы.

Я медленно выдохнула сквозь зубы.

— Так что же ты тянул время? Спрашивай!

— Какого цвета волны на Пустом берегу?

— Волны цвета хризолита, — не задумываясь, ответила я. Этой фразой начиналась сказка, которую дядя рассказывал мне в детстве бесчисленное количество раз. Страшная, пугающая сказка, после которой я долго не могла уснуть, ворочалась в постели, то прячась под одеяло, то настороженно глядя на пятна лунного света, ползущие по потолку. «Волны цвета хризолита бьют о каменные скалы...»

Карл кашлянул и спрятал руки за спину. Поклонился.

— Простите. Если вам будет угодно, то провожу вас прямо сейчас в кабинет господина.

— Да. — Я торопливо встала и выбралась из-за стола, не зная, куда спрятать дрожащие пальцы. Мне почему-то ужасно не хотелось, чтобы этот неприятный Карл понял, что я волнуюсь.

Мы поднялись на второй этаж и прошли по коридору в дальнее крыло дома. Карл отпер неприметную дверь из темного, почти черного дерева, и мы оказались в кабинете. Маленький эркер с панорамными окнами смотрел на сад. Вдоль стен громоздились полки с книгами, заморскими диковинами, странными инструментами, шкатулками и коробочками. На стенах висели карты: дорожная сеть королевства, морские маршруты... и даже воздушная карта навигации! У меня просто дух захватило. Именно таким я всегда представляла дядино обиталище... Местом, куда он привозил все сокровища из дальних странствий. Тем временем Карл подошел к большому столу с массивными

резными ножками, наклонился и достал из ящика под столешницей длинную плоскую шкатулку. Протянул ее мне...

— Спасибо, — сказала я. — Теперь мне хотелось бы изучить документы. Вы свободны.

— Вы останетесь здесь? — спросил он.

— Да. — Я еще раз окинула комнату взглядом. Настоящая сокровищница! — И попросите Мод принести сюда чай. Пожалуй, я задержусь в дядином кабинете.

* * *

Несколько раз перечитав все бумаги, я сдвинула их на край стола, перевернула шкатулку, в которой они лежали, и начала простукивать дно и стенки. Наверняка, просто наверняка в ней должно быть тайное отделение, куда дядюшка засунул настоящее послание, а не эту писанину для отвода глаз!

Ладно.

На самом деле оставленные им документы были полезны в моих обстоятельствах. Более чем.

Информация о трех счетах в банке, один — на содержание дома, второй — жалованье для слуг, третий — на мое имя: частью в золотых слитках, частью во флоринтах, с возможностью снятия средств в любой момент.

Список тайных слов-ключей: для операций с деньгами и для того, чтобы подтвердить мою личность. Записаны они были шифром, который мы с дядюшкой изобрели давным-давно... то есть в будущем году, когда мне исполнится пять... то есть...

Тут я потеряла лоб, вздохнула и поняла, что это не мы изобрели шифр. Дядя придумал его много лет назад, а потом рассказал о нем, причем так хитро, что казалось — часть изобретения принадлежит мне. Чтобы я его хорошенько запомнила.

Еще деловая переписка с моим отцом... с указанием всех дат его рабочих поездок, письма за несколько лет вперед. В какой-то момент я просто устала соотносить все даты между собой, пообещала себе, что обязательно сделаю это в какой-нибудь из вечеров, и даже сделала отметку в новой записной книжке, которая тоже нашлась в шкапулке.

Маленькая, аккуратная, в обложке из змеиной кожи, с золотым замочком и золотым обрезаем. Когда я прикасалась к ней кончиками пальцев, от страниц веяло теплом и воздух начинал пахнуть корицей и гвоздикой. В таких книжечках маги записывали формулы личных заклинаний. Не тех, которые изучают по учебникам, а тех, которые и отличают сильного мага от ремесленника.... Экспериментальные наработки, оригинальные идеи, кусочки чужого волшебства, которые получилось украсть и расшифровать.

Я и подумать не могла, что мне в руки когда-нибудь попадет такое чудо. Сначала я даже не осмелилась ее полистать, осторожно отодвинула в сторону, но тут она раскрылась, и я прочитала надпись на форзаце: «Грете, моей чудесной девочке».

Спасибо дяде. Только зачем мне она? Я ведь не маг.. А тратить такое сокровище на рецепты, ежедневные заметки или списки покупок было бы просто глупо,